

Женя Люверс (ср.: «Ее отец, адвокат с нерусской фамилией Люверс...» [1, с. 290]). Следовательно, творческая история романа «Доктор Живаго» начинается едва ли не в 1918 г., когда по возвращении с Урала Пастернак написал впоследствии уничтоженный роман, начало которого превратилось в повесть «Детство Люверс». Текст романа «Доктор Живаго» утратил явные сюжетные связи с ранними прозаическими произведениями, что сказалось и в изменении имен главных героев, однако сюжет стихотворения «Осень» в соотношении с повествовательным сюжетом дает возможность углубиться в ранние этапы творческого замысла автора.

Но соотношение лирического и повествовательного сюжетов важно, как кажется, не только при установлении «общего ряда» сюжетных версий единого инварианта. Реализация единого сюжета в различных жанрах — это и способ многообразно трансформировать одну и ту же ситуацию, выявить в ней скрытые семантические возможности, включить ее в различные «сцепления смыслов».

При всем сходстве сюжетных ситуаций было бы неверно говорить, что стихотворение «Осень», «Начало прозы 1936 года» и «Доктор Живаго» имеют общий сюжет. Семантическая композиция лирического стихотворения строится иначе, нежели «линейный» повествовательный сюжет в прозаических произведениях.

Если проследить внутреннюю сюжетную логику стихотворения «Осень», то обнаружится, что сюжет колеблется между двумя планами: повествовательно-бытовым, совершенно очевидно отсылающим к романным эпизодам, и фольклорным, в котором проявляется неожиданное сходство комплекса мотивов стихотворения с композиционной схемой сказочного сюжета о «лесном доме» (об этой сюжетной схеме см. [2]).

Эта двупланность задана уже в первой строфе. Строки «Я дал раз-ехаться домашним,/ Все близкие давно в разброде» совершенно естественно воспринимаются как завязка бытового повествовательного сюжета. Но одновременно это — мотив «отлучки близких», с которого традиционно начинается завязка сюжета о «лесном доме» [2, с. 36—37]. Первая строфа вводит и параллелизм природного и человеческого планов изображения, характерный для фольклорной поэтики («И одиночеством всегдашним/ Полно все в сердце и природе»).

Та же двупланность ощутима и во второй строфе: первые две строки одновременно и продолжают повествовательный сюжет («И вот я здесь с тобой в сторожке, / В лесу безлюдно и пустынно»), и развивают мотивы сказочного сюжета: герои после отлучки близких остаются в доме одни. Второе двустишие вновь с несомненностью отсылает к фольклорному контексту с помощью цитаты из народной песни («Как в песне, стежки и дорожки / Позаросли наполовину»).

Лес вокруг дома тоже имеет и реальную, и фольклорную мотивировку. В сказочном сюжете лес — граница между царством живых и царством мертвых [2, с. 58]. Задача героя сказки — попытаться перейти через границу — попасть в царство мертвых или выбраться из него [2, с. 48, 56—57]. В третьей строфе стихотворения такая возможность развития сказочного сюжета отвергается («Мы братья преград не обещали, / Мы будем гибнуть откровенно»).

Итак, то, что произойдет с героями в «лесном доме», названо гибелью. Но следующая, четвертая строфа вновь возвращает развитие сюжета в бытовой план, рисуя почти идиллическую семейную сцену. Одновременно эта строфа развивает и брачные мотивы, весьма характерные для сюжета о «лесном доме», в котором герой зачастую вступает в брак, иногда — второй, забывая первую жену, иногда — временный, длящийся только в царстве мертвых [2, с. 131—133].

Пятая и шестая строфы — сюжетная кульминация, которая развивается по законам фольклорной поэтики. Стих утрачивает повествовательность (грамматически это выражается в замене изъявительного накло-